
Из истории русской философии

С КОГО НАЧИНАЛАСЬ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

ЖУКОВ В.Н.

Премудрость, храбрость и святыня
Тобой, блаженная Княгиня,
Из древности сияет к нам.

М.В. Ломоносов

Сегодня в контексте ставшего в нашей стране чуть ли не всеобщим стремления вернуться к «истокам и корням» под последними обычно понимают нечто — в масштабах истории — сравнительно недавнее. Чаще всего это идеализированная российская действительность, более или менее непосредственно предшествующая 1917 году, и философия того же хронологического периода. При этом, как представляется, в отмеченном стремлении смешивают совершенно разные вещи — возрождение и реставрацию. Ведь только при возрождении возможно подлинное возвращение к истокам и корням, только в возрождении восстанавливается все лучшее, что было в прошлом, — восстанавливается, конечно, не буквально. Возрождение — это именно *воз*-рождение, т.е. появление нового на основе старого, а не апологетика последнего и в равной степени не неофилия.

На мой взгляд, внимание к русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв. — внимание, которое нередко носит натужный характер и которое не оправдало (и, конечно, не оправдает) возложенные на него ожидания, — обусловлено именно реставрацией, а не возрождением. Никакого восстановления русской религиозной философии, какой она была в то время, в современной России не произойдет: *реставрация никогда не сможет обернуться возрождением*. Можно сказать еще радикальнее: *ничто так не препятствует истинному возрождению всего лучшего в про-*

шлом, как реставрация. Последнее — это копирование того или иного исторического периода, это попытка механического восстановления духовных и материальных структур прошлой жизни, это стремление восстановить недавнее прошлое именно как прошлое — и все это не имеет ничего общего с возвращением к истокам. Одни говорят о величии России до 1917 г., другие — о величии Советского Союза, третьи — о величии петровского или екатерининского времени. *Возрождение же подразумевает не копирование прошлого в настоящем, не перепрыгивание через столетние этапы развития и не материализацию духов прошлого, а появление на свет того, что, будучи связано с прошлым, в прошлом еще не существовало.* На это реставрация не способна.

Реставрационный характер развития нашей философии за последние годы обуславливает ставшее уже очевидным падение интереса к философии Серебряного века, что вызвано, конечно, достаточно скромным местом, которое она занимает в действительности, да и ее внутренним практическим бессилием; это также подтверждается и беспомощностью попыток восстановления марксизма в его советской интерпретации. Прямым следствием реставрации является поиск так называемой «русской идеи» — показатель внутреннего упадка современной русской философии, упадка, который в свою очередь обусловлен и тем, что стремление возродить декаданс прошлого оборачивается в настоящем декадансом в квадрате.

Отмеченным обстоятельством объясняется та странная ситуация, что в современных исследованиях по русской философии, которые претендуют на возрождение, мы почти не найдем тех имен, которые действительно стоят у самых истоков *коренной*, в прямом смысле этого слова, русской мысли. В современной реставрации, в псевдовозрождении не находится места для тех истоков и корней, которые на самом деле стоило бы восстанавливать. Большая часть материала любого учебника по русской философии ориентирована совсем не на истинные истоки и корни, а на реставрацию идей Бердяева, Соловьева, Флоренского, которые почему-то рассматриваются в качестве олицетворения русской мысли, сотни страниц отданы русской ре-

лигиозной философии XIX—XX вв. Разделы же, посвященные философии Древней Руси, т.е. очевидным и подлинным истокам и корням, обращение к которым только и может привести нас к возрождению, едва ли занимают несколько десятков страниц. Наконец, упоминания имени человека, на протяжении более семи столетий воспринимавшегося как олицетворение мудрости, мы вообще не найдем ни в учебниках, ни в философских словарях, ни в философских энциклопедиях.

Речь идет о великой княгине Ольге. Когда вспоминают о ней, то в лучшем случае говорят, что она была одной из первых, кто принял крещение на Руси, что она хитроумно отомстила древлянам за своего убитого мужа Игоря и сохранила ему верность до конца дней своих, ловко уйдя от предложения византийского императора о замужестве, указывают, что она одной из первых стала устанавливать в Киевской Руси административное правление, что ее сын Святослав был храбрым язычником и никак не хотел принимать христианство.

Но то, что должно было бы сразу привлечь внимание, — а именно постоянно повторяющиеся в разных источниках и на протяжении большей части нашей истории характеристики княгини Ольги, в которых утверждается, что она была «мудрейши всех человек»¹, — т.е. прямо указывается на то, что в Древней Руси она являлась олицетворением мудрости, — обычно пропускают, считая, как видно, что это ничего особенного не значащая похвала человеку, сыгравшему большую роль в религиозно-практическом развитии страны, и утверждение, к философии никакого отношения не имеющее.

Однако следует иметь в виду, что *древние свидетельства всегда говорят прямо и непосредственно* и не подразумевают, в современном смысле этих слов, обобщающих оценок, вынесенных на основании общих впечатлений. В Древней Руси не было абстрактного языка и абстрактного мышления, подобного современному. Более того, в летописи сказано, что «Олга прияла крещения, яже бе мудрейши всих человек»². Это означает, что Ольга и принимает крещение, поскольку была изначально, еще до его принятия, самой

мудрой из людей, т.е. наличие в ней мудрости является первопричиной в отношении принятия крещения.

Почему же до сих пор забыта «премудрейшая из веков» на Руси?

Кроме упомянутого господства реставрационной тенденции, существует еще одна причина забвения этого имени сегодня, во время столь шумного «возрождения» русской религиозной философии. Сейчас для нас обычным и естественным стало отождествление мудрости и знания. Это настолько привычно не только для нашей, но и для любой другой современной философии, что кажется непонятным, как вообще может быть возможна какая-либо философия, которая не тождественна знанию. Но мудрость Ольги (как и мудрость Древней Руси в целом) развивается *не от знания* (что, конечно, совсем не означает, что она исключает знание вообще). Мудрость порождает знание, но знание может и не порождать мудрость; мудрость подразумевает знание, но знание не всегда подразумевает мудрость. Понятие мудрости значительно шире и глубже понятия знания; оно может включать последнее, но *только* к знанию не сводится. Декарт в одном из своих частных писем писал, что ему больше по душе разговоры с простыми людьми, а не с учеными, потому что именно у первых он видит ясный ум, в то время как у «специалистов по философии» это нечастое явление. В осуждении А.И. Солженицыным «образованцев» мы видим проявление мудрости, а не отрицание знания. Таких примеров различения мудрости и знания мы в отечественной истории наберем много.

В этом различии, в невозможности сведения мудрости Ольги к знанию и заключается не только основная трудность при рассмотрении философии Древней Руси, но и основная ее привлекательность. Можно сказать, что *отсутствие тождественности мудрости и знания — одна из характернейших черт древнерусской философии* в целом и что эта философия не сможет быть правильно понята до тех пор, пока мы не будем постоянно отдавать себе в этом отчет. С точки зрения знания, философия Древней Руси — бедное явление; однако ее богатство открывается не в зна-

нии, а в мудрости³. Итак, отличая «истоки и корни» от реставрации, а мудрость — от знания, будем помнить, что движение вперед часто начиналось со взгляда, брошенного назад. Вся Великая французская революция пропитана интересом к античности, а, пожалуй, лучшие исследования истории, былины Древней Руси были проведены в советское время. Это означает, что истинный консерватизм реставрацией не является, а в основании будущего, в том числе и философии, как это ни парадоксально звучит, часто лежит именно консерватизм.

* * *

Итак, кем была Ольга? В.Н. Татищев знакомит нас с преданием о том, что она была «от рода Гостомыслова» и «иностранные скажут ее дочь Гостомыслову», а «имя же ее славенское Прекраса»⁴. Другие источники менее поэтично, но более правдиво говорят о том, что она была из простых людей, совсем не княжеского происхождения. «Святая великая княгиня Олга родися в Плесковской стране, в веси, зовомыя Выбуто. Отца имееше неверна суши, також и мать некрещену от языка варяжска и от рода не княжска, ни от велмож, но от простых бяше человек. О имени ж отца и матери писание нигде ж изъяви. Образом бяше святая тиха, и кротка, и любима ко всем, и мудра зело. Посем князь руский Игоур поня ю за ся за премногую ея добродетель и добронравие»⁵. Несмотря на то, что Ольга была «от простых человек», Игорь сразу оценил ее достоинства.

Все знают, что Ольга была одной из тех первых, кто принял крещение на Руси. Ее сын, Святослав, мужественный воин, напротив, постоянно отказывался креститься, и Ольга часто ему говорила: «Аз, сыну мой, Бога познах, радуясь, и аще ты познаеши, радоватися будеши вовеки»⁶. Прочитав эти строки, наш современник воспримет состояние Ольги после крещения исключительно с точки зрения индивидуального, сугубо личного психологизма: вот, Ольга крестилась, в душе ее возникла радость от веры, и она стала уговаривать сделать то же самое своего сына. Банальность этого утверждения очевидна, но оно имеет мало общего с действительным положением вещей.

Существует резкое различие между тем, как воспринимает этот обряд современный человек, и тем, как его воспринимали в древности, начиная с Ольги. Слова Ольги свидетельствуют, конечно, не о психологическом перевооружении в ее душе: развитых в своем индивидуальном психологизме личностей тогда просто не существовало, и никакого персоналистичного религиозного психологизма и быть не могло. Поэтому, не упорствуя в «современном» прочтении летописи, мы должны воспринять слова Ольги в самом простом и непосредственном их значении: она приняла христианство, и это вызвало у нее не просто восторг и умиление, принесло ей не индивидуальные психологические переживания, связанные с обретением веры, а ощущение *реальной радости жизни*. Поэтому Ольга «просвещена же бывши, радовашеся душою и телом»⁷. Это означает не переворот в сознании, а единство душевной и телесной радости, нераздельность того и другого. Невозможно представить, что для Ольги вера была тождественна только мыслям «о душе», как это считают сегодня. Это не было достижением чего-то «духовного» в его противоположности материальному и телесному или механическим соединением души и тела, а приходом после крещения к внутреннему единству того и другого. Достижение такого единства и было *просвещением*. Тот факт, что мы мало знаем об Ольге, совсем не является препятствием для понимания этой черты ее мудрости; напротив, лишенный излишних подробностей, он позволяет понять именно эту черту.

Летописец сравнивает ее мудрость с образом мудрости, данным в Св. Писании, где постоянно говорится о том, что божественные заповеди надо испытывать жизнью, и приводит такие слова: «Премудрость на улицах возглашает, на дорогах возвышает голос свой, на забралах стен городских проповедует, в городских воротах громко вещает: доколе невежды будут любить невежество... Эта же блаженная Елена с малых лет искала мудростью своей, что есть самое лучшее в свете этом и нашла многоценный жемчуг — Христа»⁸. Ольга, приняв после крещения имя Елена, искала мудрости, в жизни проявляющейся, той мудрости, которая обнаруживает себя и на улицах городов, и на доро-

гах, эти города соединяющих. Иначе говоря, никакой мудрости самой по себе она не искала, а искала то, что присутствует в жизни и что носит название «жизнь».

* * *

Для лучшего понимания дальнейшего надо сделать небольшое отступление. Во времена Ольги церкви в современном смысле этого слова на Руси не существовало. В связи с этим можно выделить три основных этапа в развитии христианства в Древней Руси. Особенность первого (времена Ольги и Владимира) заключается в том, что посредника между человеком и Богом в виде церкви практически нет и вера этого времени есть вера жизни, или *вера в жизнь*, но не вера *в* церкви и *через* церковь. На втором этапе, в период распространения христианства на Руси и вплоть до XVI—XVII вв., церковь становится самым благотворным посредником в общении человека с Богом. Наконец, после раскола XVII в. и до настоящего времени церковь оказывается сложным государственно-социальным институтом (несмотря на формальное отделение церкви от государства), существование которого во многом радикально изменяет как способ отношения человека к вере, так и самое веру; появляется государственно-православный официоз, который был совершенно не характерен для первых двух этапов.

О чем говорит тот факт, что при зарождении христианства на Руси возникло непосредственное отношение человека к вере и что вера не нуждалась в церкви как общественном институте? Это означало то, что вера была очень близка жизни, что выполнение того или иного обряда, за которым могло последовать, а могло и не последовать следование христианским истинам в самой жизни, не играло ведущей роли. Всю силу веры прежде всего надо было вкладывать не в те или иные церковные формы, воспринятые у Византии, но в практическую жизнь, в которой эти формы не имели того значения, какое стало им придаваться со времени раскола. Форма в то далекое время служила лишь подтверждением истинности самого христианства; обратного же, т.е. выведения содержания из формы, что стало характерным для последующих периодов, тогда не было.

В первые века христианства на Руси мы видим непосредственную, светлую, практическую веру, которая подтверждалась поведением полусказочных богатырей и в их борьбе за реальную, земную справедливость, и в выяснении «правды жизни» на пирах у Владимира, в результате чего они даже нередко ссорились с князем. Отсюда — полное отсутствие мрачности и псевдоаскетизма, отсюда светлая, жизненная радость. Нет веры, отделенной от жизни, и *человек не живет верой, а верит жизнью*.

Конечно, было бы неправильно говорить, что с возникновением церкви в Древней Руси исчезает пракτικότητα христианства. Более того, опора веры на практику даже усиливается и принимает своеобразные и очень полезные формы. Но общеизвестный факт состоит в том, что после князя Владимира богатырский эпос, а следовательно, и сами богатыри (которые, как известно, имели прототипов в реальности) и богатырские подвиги исчезают. Из этого, естественно, нельзя делать вывод, что именно становление церкви приводит к уничтожению богатырства на Руси. Но в то же время в прошлое уходит прямая связь человека с правдой, которой и было знаменито великое владимирово время, начинавшееся с Ольги.

С конца XI в. вводится Студийный устав, Печерский монастырь постепенно приобретает все большее значение, *вера в жизни начинает заменяться верой в церкви*, и на несколько столетий, вплоть до царствования Грозного, церковь становится обязательным посредником между Богом и человеком. Это дает колоссальные преимущества в организации духовной и практической жизни, но в то же время очевидно, что это уже не то христианство, каким оно было при Ольге и Владимире.

Совсем иное отношение к церкви формируется со времени царствования Грозного, когда в церковной жизни все большее значение обретает исполнение внешнего обряда, а христианские истины все в большей степени проявляют себя именно в светской жизни. Отсюда, а не из какой-то врожденной жестокости, появляется радикально-критическое отношение Грозного к церкви как к институту, который стал уделять больше внимания внешнему, а не внутреннему,

да и внешнее уже перестает соблюдать. Известно, что Грозный приказывает своим сторонникам одевать черную рясу *под* светскую одежду — факт показательный. И совсем не случайно, что в дальнейшем и Петр Первый, и Ломоносов, и многие другие деятели русской истории критически относятся не к христианским истинам, а именно к церкви. Однако это особая тема. Речь же сейчас идет не о том, чтобы противопоставлять разные периоды развития христианства, а о том, чтобы показать различия этих периодов.

* * *

Итак, крестившись, Ольга обрела радость жизни вообще, в целом, а не лично-психологическое умиление в скорлупе своего «я». Она избрала жизнь и радость в полном смысле этих слов и без всякой натужной психологической аллегории обрела то, о чем постоянно говорится в Св. Писании, — испытывать веру жизнью. Подобное реалистичное восприятие христианства привело к реальному результату: в то время на Руси, как известно, было великое засилье варягов, многие славяне даже носили варяжские имена; но при этом общеизвестно туманное, а по сути верное известие о восстании Вадима против господства варяга Рюрика⁹. «...Хотя славян во всей Руси до Рюрика было много, но пришествием Рюрика с варяги род и язык славенский был уничтожен. Блаженная же Ольга, будучи сама от рода князей славенских... народ славенский возвысила и язык во употребление общее привела... Та же приятием крещения чрез булгор и книги славенские церковные наиболее утвердили»¹⁰.

В чем же заключалось это возвышение славян, которая совершила Ольга? «Блаженная Ольга, сама бывши от рода славян, язык в большее употребление и народ славенский в знатность произвела, как уже то при ней всюду не токмо в начальниках и управителях, но детей и внучат имена славенские показались, а при Владимире уже варяги мало во управлении и видимы стали»¹¹. «Ольга, от рода славенского супруга Игорева, паки имена словенские сыном своим Святополком, внучатами Ярополком, Олегом и Владимиром возобновила, с которого сарматские во употреб-

лении почитай пресеклись»¹². Поэтому Татищев и пишет, что одной из главных заслуг Ольги было то, что она «народ славенский в действо произвела»¹³. Ее дело продолжил Владимир, который, «от бабки Ольги приняв наставление, более славян, неже прежде варяг, предпочитал»¹⁴.

Означает ли это, что Ольга была как бы первопричиной национального возрождения? Здесь надо быть осторожным с ответом, и было бы крайним упрощением в современном околонационалистическом духе смотреть на вышеназванные факты деятельности Ольги как просто на то, что она своей властью «отодвинула» варягов и дала простор русскому человеку. Ведь Ольга приняла по форме чуждую прежнему, родному для нее славянскому обычаю религию — христианство, и тем самым древнее славянское язычество, «отеческое зловерие возненавидела еси»¹⁵. Ольга не просто отказалась от язычества своих предков и не соблюла формальную традиционную преемственность. Она приняла христианство из страны, над которой в военном отношении постоянно господствовали русские князья, а с формальной точки зрения, было унижительно принимать веру от неоднократно поверженного врага — Константинополя. Значит, для нее главным были не понятия «свой» или «чужой», а истина. И, увидев истину в христианстве, она и принимает ее, несмотря на напряженные отношения с Византией, несмотря на лукавство византийского двора и даже предпринятые при посещении ею Константинополя попытки унижить ее самое¹⁶.

Таким образом, перед нами лишь кажущееся противоречие. Ольга отвергла привычное, отечески-родное язычество, приняла христианство — и тем самым инициировала начало субъективно-национального возрождения. Приняв христианство, первые русские христиане не угодничали перед византийскими властями, как это делал Никон; в отличие от последнего они привели свою страну не к грекофильству, но к прямо противоположному — к возрождению народному. Чем в большей степени христианство воспринималось именно как высшая объективная истина, тем более национально-колоритным и в этом смысле субъективным, обретшим собственное национальное

чувство становился русский (и любой другой) народ, совершивший этот акт. В этом мы обнаруживаем диалектику практической жизни, а не теории¹⁷. И это говорит о том, что принято было не «византийское христианство», не национально-географическая оболочка истины, а сама истина, и именно всеобщий характер этой истины обернулся ее конкретным воплощением в возрождении народа и освобождении его от варяжского влияния.

К восприятию этой объективной истины и была предрасположена Ольга; ее мудрость проявлялась в стремлении к «высокому объективизму». Поэтому в службе, ей посвященной, читаем: «Премудрость Божия прежде о тебе написалась есть, се еси добрая моя и прекрасная, и похоти женския несть в тебе»¹⁸. Иначе говоря, нет в твоих действиях женского эгоистического своеволия, а выразилась в них мудрость божественная, в высшей степени объективная.

Но существует утверждение, которое, на первый взгляд, опровергает мысль о том, что Ольга была как бы «проводницей» объективно-всемирного значения христианской истины вне и за пределами национально-отеческих заблуждений: Бог «благоволи помиловати нас и воздвиже рог нам благочестия и начало спасения не от иныя страны, ни от чюжия земли, но от дому и отечества Рускаго изращения сию богомудрую и равноапостольную великую княгиню Олгу»¹⁹. Однако я полагаю, что это утверждение, напротив, лишь подтверждает высказанную выше мысль — только как бы «с другого конца». По сути дела, здесь говорится о том, что всеобщность христианской истины нашла себе подтверждение в том, что воплотилась на Руси не с помощью внешнего воздействия, не потому, что была привезена из Византии или откуда бы то ни было еще, а также совсем не потому, что древняя языческая Русь как-то по-особому была предрасположена к христианству. Всеобщность христианской истины была подтверждена тем фактом, что проявилась в том числе и на Руси, но не сама по себе Русь была ее источником. В этой тонкости все дело. То, что христианская истина проявилась в конкретном — на Руси, демонстрирует не уникальность Руси и не мощь внешнего влияния Византии, но лишь универсальный характер

воздействия этой истины вследствие ее всеобщности. Тот факт, что отечество русское породило Ольгу как восприемницу этой универсальной истины, указывает не на узкий национально-религиозный патриотизм, а, напротив, подтверждает универсальность христианства, универсальность, которая и находит себя в конкретном — на Руси и в деятельности Ольги. Тот факт, что принятием христианства мы обязаны нашей древней предшественнице, говорит не только о том, что не надо для достижения истины эту истину заимствовать извне, перемещая ее только «по горизонтали», из одной страны в другую; этот факт говорит и о том, что истина вследствие своей объективности сама проявляется в том или ином конкретном месте. Самостоятельность проявления христианской истины на Руси как бы *через* Ольгу показывает не узко национальный, а универсальный и интернациональный характер истины, отвергает любой всего лишь национальный патриотизм и прямо свидетельствует против него. Счастье христианства пришло от самого факта связи родины и истины, от факта единства того и другого, а не от двух крайностей — с одной стороны, тождественности истины и родины (тезис — «Русь была предрасположена к христианству именно как Русь»), а с другой — их полного различия и обезличения Руси Византией (тезис «христианство к нам пришло из Византии, и все мы — византийцы»). Сказалась не механичность, а сила единства и союзности, и это впервые проявилось именно в Ольге.

Это прекрасно понимали в Древней Руси. Поэтому летописец в самом заглавии жития св. Ольги говорит, что она «бысть предтеча рускаго рода во благочестие к Богу»²⁰. *Мудрость Ольги проявилась в понимании самостоятельного значения христианской истины.* Если истина есть, то она объективна, а не подражательна, она самодовлеющая и есть везде, где живет человек. Если бы Ольга была просто первой, кто решил подражать Византии в христианстве, то здесь не было бы никакой мудрости и говорить было бы не о чем. Отношение к истине только как к подражанию чему-то чужому, только как к заимствованию уже самим этим отношением показывает, что это не истина, а ложь. Нельзя жить копией, и тем более сам факт копирования нельзя

отождествлять с истиной. И если мы считаем, что Ольга была просто первой «по порядку», что она из числа тех, кто стал механически перенимать христианство из Византии, для того чтобы приблизить Русь к более высокой цивилизации, тогда мудрость оказывается тождественной обычной смекалке и способности к подражанию, переимчивости — и ничему больше. Тогда цена этой мудрости невелика.

Но учиться не означает быть холопом, и учение не тождественно подражанию. При безусловном наличии копирования с византийских образцов очевидны как внешний характер последнего, так и автохтонность проявления христианства на Руси именно в Ольге, которая понимает прежде всего объективный характер истинности христианства. И совсем не Византия подтолкнула ее к этому, но присущие ей собственные задатки; именно собственная природа княгини побуждает ее признать верность христианского учения, которое она была вынуждена принять в византийской форме. Для нее объективная христианская истина выросла также и на Руси и родной ей стала именно на этом основании, а не потому, что была навязана извне княжеским повелением.

После всего сказанного становится понятным отношение наших древних предков к Ольге, о котором Нестор писал: Ольгу «хвалят русии сынове, аки начальницу»²¹. А в одном из писаний монаха Кирилла мы читаем, что «русскому языку, плесковской стране, богоизбранному от варяг и княжескому племени праматери наречется Олга»²². И в службе Ольги видим мы ее сравнение с пчелой, которая издалека принесла нам разум истинный: «Ты яко пчела добру разуму далече цветущия христовы веры взыска»²³. Да, Ольга — праматерь всех наших людей, которые понимали и понимают, что не надо ничего разделять искусственно, в том числе и национальное и универсальное, и тогда и искусственное объединение не понадобится. Петр Первый, который любил повторять, что лучше чужое доброе, чем свое гнилое, и без универсальной идеологии которого не появились бы такие русские люди, как Ломоносов, Суворов или Державин, был прямым наследником мудрости Ольги, при всем огромном временном расстоянии и формальном различии между ними. И, конечно, как и Ольга, Петр никогда не ут-

верждал, что лучше чужое просто как чужое, а свое хуже просто потому, что оно свое: ведь он принимал в чужом *только доброе*, а в своем отрицал *только гнилое*.

Поэтому, когда «премудрейшая из всех человеков» княгиня Ольга строит «перво Софейскую церковь деревянную»²⁴, она это делает совсем не потому, что хочет воплотить какой-то особый идеал «софийности», как наверняка подумал бы представитель или поклонник философии Серебряного века. В параллели между св. Софией и мудростью самой Ольги не может быть ничего искусственно софиологического, зато очень много жизненного и христиански-практического.

Уже говорилось о том, что в самом заглавии жития св. Ольги сказано, что она «бысть предтеча рускаго рода во благочестие к Богу». Здесь перед нами одно из первых проявлений не личного восхваления Ольги. Вот так же и Кирилл, сравнивая Ольгу с Богородицей, писал: «Хвалим тя, яко мать Божию и деву чистую»²⁵. Конечно, не в буквальном смысле Ольга отождествляется с Богородицей, а в том смысле, что она, будучи бабкой Владимира, тоже породила святого человека, который крестил всю Русь. И в этом смысле она была как бы «предтечей во благочестие к Богу»²⁶. Ольга как женщина — потомок Евы, через которую грех пришел, но также с помощью девы — Богородицы — грех преодолен. Это — акт всемирной истории, который был повторен в истории русской, и княгиня Ольга оказалась именно тем человеком, через которого этот всемирный акт получил национальное воплощение. Древнерусский человек, для которого Св. Писание постоянно должно испытываться жизнью и который не знает никакого идеализма веры, воспринимал это событие как прямое и жизненное подтверждение верности Св. Писания. Там, где была гибель, там же было и спасение. Вследствие того, что Ольга оказалась исполнительницей этого объективного «требования», она и есть мудрейшая из мудрых, а совсем не потому, что у нее можно было бы обнаружить какую-то исключительно личную, персонально-оригинальную философию.

Поэтому и говорится, что ни от пророков, ни от учителей пришла к нам вера, а Сам Господь Иисус Христос

дал веру Руси. «Не ходатай бо, ни ангель, ни апостоли, ни пророцы, ни учителя и изряднии, ни книжницы премудрии, ни ветии словеснии научиша ны в познание таковыя превеликия божественныя благодати, но сам Господь Исус Христось, яко весть своим неизреченным промыслом конечное свое милосердие, богато хотя изляти в Русей земли»²⁷. Тот факт, что это перефразировка Св. Писания (Исх. 33, 27), несколько не меняет дела, а только подчеркивает значимость приведенной мысли. Мы получили христианство не от Византии как от некоего «византизма» — в содержательном смысле этого слова. Значительно позже, в XVII в., эта истина оказалась настолько забыта, что реформа Никона уже связывала принятие христианства с конкретным, подражательным культурно-национальным влиянием, «византизмом», географическим местом, что привело к таким трагическим последствиям.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что русский человек того времени во всеобщности христианства не терял, а, напротив, находил себя. Именно всеобщность истины давала силы ее конкретному проявлению, а не национальный или иностранный характер христианства. Ольга как никто другой поняла это. И в этом мы видим первое проявление того, что в дальнейшем так часто повторялось в России: чем более объективной и только в этом смысле не антинациональной, а вненациональной оказывается та или иная истина — будь то принятие христианства, западничество Петра или идея социальной справедливости Октябрьского переворота, тем сильнее — т.е. именно вследствие своего объективного характера — эта истина приводит к расцвету конкретно-субъективного начала — нации. То, что всеобщность истины проявляется в конкретном, что к возрождению нации приводит совсем не национальная идея, которую сегодня с таким заслуживающим лучшего применения упорством пытаются отыскать, а объективность вненациональной истины, — это было понято на Руси еще в IX в., но сегодня оказалось почти полностью утрачено. Противопоставление универсализма национальному началу ложно по своей сути, и первый пример понимания этого, первый пример такой мудрости показывает нам великая княгиня Ольга²⁸.

Если современный человек смотрит на Св. Писание и христианство как на одну из возможных моделей истины, которую он может принять, а может и не принять по своему личному желанию, по своим личным взглядам, то для человека того времени такого выбора не существовало, и не существовало не потому, что господствовал какой-то «средневековый религиозный тоталитаризм», а потому, что истина Св. Писания никогда не рассматривалась им как некая «специально-религиозная истина». Средневековый человек относился к Св. Писанию не как к особой религиозной мудрости, а как к *выражению правды самой жизни* в целом, как к наиболее объективному выражению истины жизни. Никакой отдельной от жизни религиозной идеи человек того времени не знал²⁹.

Примечания

- ¹ Повесть временных лет // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 154 (курсив мой. — В. Ж.).
- ² Там же.
- ³ С этим связано одно обстоятельство, хорошо знакомое каждому, кто хотя бы немного соприкасался с историей Древней Руси: существует какое-то бессознательное влечение к родной и далекой культуре нашей древности. Но как только современный человек обращается к ней, простота мудрости того времени немедленно сталкивается с привычными сегодня рационально-когнитивными оценками, делая невозможным понимание ее в свете этих оценок. Эта простота мудрости предстает как однообразие и скука; возникшее было стремление угадает, и наш современник быстро переключается на что-либо «более интересное». Как не вспомнить здесь слова Д. Валуева о «нашем прошедшем, слишком строгом и однообразном, чтобы быть увлекательным, и слишком простом, чтобы быть доступным для многих» (*Валуев Д.* Введение. Синбирский сборник. М., 1844. С. 28).
- ⁴ *Татищев В.Н.* История российская: В 7 т. М.—Л., 1962. Т. 1. С. 116, 213.
- ⁵ Житие святой великой княгини Ольги // *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 538.
- ⁶ *Татищев В.Н.* Цит. соч. Т. 2. М.—Л., 1963. С. 48.
- ⁷ Повесть временных лет. С. 110 (выделено мной. — В. Ж.).
- ⁸ Там же. С. 111. Здесь вновь говорится об изначальном отношении Ольги к мудрости: она с детства «искала мудростью своей».
- ⁹ Вот что Татищев говорит о Вадиме: «Вадим — князь от рода славенска. Сей Вадим, видимо, по сказанию Иоакимову, был сын большой дочери Гостомысловы, князь изборский, и по старшинству матери его наследник престола...» (*Татищев В.Н.* Цит. соч. Т. 1. С. 208). Об Ольге Татищев также говорит, что она была из рода Гостомысла и «иностранные сказуют ее дочь Гостомыслову». При

всей спорности утверждений Татищева обнаруживается очевидная параллель: понятие о справедливости и практически жизненное отношение к ней были очень развиты в той среде, откуда произошла Ольга; только Вадим сражается за правду при помощи оружия и светского восстания, а Ольга — при помощи христианства. И если Ольгу, без которой на свет не появился бы Владимир, в летописях сравнивают с Богородицей, то можно продолжить данное сравнение и отождествить Вадима с Моисеем: ведь, подобно последнему, первый новгородский посадник поднял восстание против угнетателей своего народа.

¹⁰ Там же. С. 344.

¹¹ Там же. С. 291.

¹² Татищев В.Н. Цит. соч. Т. 4. М., 1964. С. 10.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 316. Прим.

¹⁵ Минея, июль. М., 1629. С. 169.

¹⁶ Вот как описывает один из случаев такого унижения Шлецер: «Но какова наглость Византийского двора! ...Послы были только *послами* своих государей; а здесь является лично сама владетельная особа: но не смотря на это, ее от них не отличили, заставили стоять, посадили за особенный от императорского стол и пр. Однако же при многих случаях, кажется, она не забывала своего достоинства: она только *не много наклонила* голову, когда другие знатные женщины кланялись низко» (Шлецер А. Нестор. Русская летопись на древле-славенском языке, сличенная, переведенная и объясненная Августом Лудовиком Шлецером, надворным советником, доктором и профессором Геттингского университета, и кавалером ордена св. равноапостольного князя Владимира 4 степени. СПб., 1819, ч. 3. Перевел с немецкого Дмитрий Языков. С. 410—411). Но Ольга и восстановила справедливость, когда уже в Киеве заставила долго ждать приема византийских послов. Горькая память об этой встрече — общий тон всех рассказов о времени ее пребывания в Константинополе (показное дружелюбие, лукавство, хитрость и унижение со стороны греков) и заставила Ольгу обращаться к германскому императору с просьбой о миссионерах.

Что было в унижительном отношении к Ольге со стороны византийского двора? Месть за былые победы русских? Стремление показать свое превосходство в образованности и т.п.? Вероятно, было все; поэтому мы никогда и не обнаружим в Древней Руси столь подобострастно-почтительного отношения к Византии, какое проявляется к ней начиная со времени Алексея Михайловича и Никона. Так, общеизвестно стремление первых русских князей возводить в сан митрополитов не посланцев Византии, а своих, русских священников.

¹⁷ Разговаривая со староверами, я всегда удивлялся: откуда в них это — чисто русское, родное, но в то же время далекое и почти забытое? Вы за версту почувствуете в старообрядце именно русского человека. При этом никто из них никогда не скажет, что в старообрядчестве есть какая-то специально-русская религиозно-христианская идея, что они следуют какому-то «идеалу русскости»

и т.п. Напротив, любой старообрядец улыбнется на вопрос о том, что есть в их христианстве «особо и специально русского». Да нет ничего такого! Но это именно потому, что они стремятся быть прежде всего христианами и совершенно справедливо считают, что не Византия принесла нам христианство, а Христос Бог.

¹⁸ Минея, июль. С. 169.

¹⁹ Из Степенной книги царского родословия // Библиотека литературы древней Руси. Т. 12. СПб., 2003. С. 336.

²⁰ Там же. С. 324.

²¹ Повесть временных лет. С. 116.

²² Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира // *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. № 1 — XXIII. С. 91. См. также с. 95.

²³ Минея, июль. С. 165.

²⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. С. 106.

²⁵ Кирилла мниха канон и стихиры на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира. С. 90.

²⁶ Там же. С. 93.

²⁷ Из Степенной книги царского родословия. С. 324.

²⁸ Сегодня эта в общем-то простая истина, как видно, мало понятна многим, поскольку на эту тему уже написано огромное количество текстов — и, вероятнее всего, этим дело не закончится, — авторы которых с каким-то болезненным, маниакальным упорством пытаются выразить некую «специальную» русскую идею. И удивляет то, что все предлагаемые варианты этой идеи повторяют те или иные высказывания, искусственно выхваченные из работ самых разных деятелей отечественной культуры прошлого. Например, А.И. Солженицын, говоря о необходимости «сбережения народа», ссылается при этом на графа Шувалова, жившего в XVIII в. Однако известный писатель почему-то ничего не говорит о том, что идея эта была высказана не Шуваловым, а Ломоносовым и что воспринимать ее следует во вполне определенном историческом контексте. Почему же Солженицын умалчивает об этом? А потому, что Ломоносов — это последователь Петра, последнего же Солженицын не любит. Вот и превратилась идея Ломоносова, вырванная из контекста времени, в «реставрационную» банальность.

²⁹ Здесь можно было бы высказаться еще радикальнее: в то время религии в современном ее понимании (ведь религия для современного человека — это некий образ жизни, отличающийся от того, которому он следует в своем повседневном быту) не существовало. И объяснение этого обстоятельства не сводится к тому, что наш современник — человек неверующий. Для того далекого времени сама жизнь, жизнь по преимуществу, в том числе и любая реальная радость в жизни — рождение детей, счастливый брак и т.п., — все это рассматривалось как проявления самого христианства: жизнь по преимуществу и есть жизнь христианская. Поэтому человеку того времени вопрос, как соединить жизнь и веру, показался бы просто абсурдным.